

А.И. Копанев и археографическое изучение старообрядческого наследия на Русском Севере

В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Ильича Копанева – доктора исторических наук, выдающегося исследователя истории крестьянства Русского Севера. В 1953–1969 гг. А.И. Копанев служил в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук, а с 1961 по 1969 г. заведовал этим отделом. С приходом А.И. Копанева в Отдел научная работа в этом научном подразделении Академии наук заметно оживилась. Александр Ильич старался продолжить работу Отдела по всем исследовательским направлениям, заложенным его основателем В.И. Срезневским в 1900 г. Это, прежде всего, научное описание рукописных и редких книжных фондов, издание выдающихся памятников древнерусской письменности, изучение и реконструкция древнерусских средневековых библиотек. Важнейшим направлением научной работы А.И. Копанев считал активное пополнение рукописных и книжных фондов Отдела с помощью организации археографических экспедиций на Русский Север, где в районах старообрядческих поселений еще сохранялись и бытовали средневековые рукописные и старопечатные книги.

В 1659 и 1660 годах, продолжая археографические традиции Срезневского, Александр Ильич, принял участие в экспедициях, организованных совместно с Пушкинским Домом и Академической библиотекой. В археографическом путешествии по древнему Поморью вместе с научным сотрудником Пушкинского Дома Л. А. Дмитриевым, удалось найти немало интересных старинных рукописей. Несмотря на успех экспедиций, неудобство состояло в том, что привезенные в Ленинград рукописи пришлось разделить между Пушкинским Домом и Академической библиотекой. Такой раздел невольно нарушал целостность территориального книжного комплекса, характеризующего книжную культуру исследуемого региона. Однако, поскольку почти половина рукописных книг (34 ед.) была найдена и приобретена в одном месте – древнем поморском селе Керети, было решено передать эти рукописи в БАН. Сюда же попали и все 34 найденных в экспедицией старопечатных книг, из них 3 были изданы в XVI, и 15 – в XVII вв. Среди них назовем древнейшие. Это Триодь цветная (М., 1591) с вкладной записью московича, датированной тем же годом; Евангелие учительное (Вильно, 1595), купленное в Москве в 1599 г. за один рубль, 21 алтын и 4 деньги для Покровского монастыря на р. Емце; Минея общая (М., 1600); Евангелие (М., 1606) с запродажной записью 1632 г. в Соловецкий монастырь.

Вторая археографическая экспедиция 1960 г. в Карелию и Мурманскую область была продолжением предшествующей. Из общего числа найденных 30 рукописей и 18 старопечатных книг в БАН поступило 14 рукописей XV – XIX в., а также все старопечатные книги, из которых 16 датированы XVII веком. Среди старопечатных книг древнейшие: Евангелие (М., 1606), принадлежавшее новгородскому митрополиту Исидору и Минея общая (М., 1609) с записью жителя Мудьюгской волости Гришки Михайлова сына Чухчина о её продаже за 2 рубля.

С приходом на службу в Рукописный отдел в 1963 г. нового сотрудника Н.Ю. Бубнова, появилась возможность начиная с 1965 г. сделать археографические экспедиции Библиотеки АН постоянными. А.И. Копанев и Н.Ю. Бубнов в 1965–1968 гг. совершили три археографические поездки в Карелию, Архангельскую и Вологодскую области по

следам поездок В.И. Срезневского, совершенных им в 1901–1905 гг. Параллельно с нами, по адресам, полученным А.И. Копаневым, этот северный край в 1966–1968 гг. дважды посещала и «женская» экспедиция Рукописного отдела в составе М.В. Кукушкиной и О.П. Лихачевой.

Со времен В.И. Срезневского условия экспедиционной работы на Севере сильно изменились. В дореволюционные годы во всех уездных городах и крупных селах жило и работало много образованных священников, миссионеров и других провинциальных интеллигентов, проявлявших интерес к старой книге, и если не собиравших собственные коллекции, то знавших, где такого рода книги можно разыскать. У этих людей и останавливался обычно почтенный археограф, а отсюда тянулась ниточка и к старообрядцам, у которых чаще всего можно было найти «авторитетные» для них «досельные» книги. Правда, в те времена далеко не все старообрядцы доверяли священникам «господствующей» церкви и опасались признаваться в своей приверженности к «расколу» и хранимым ими старым книгам. В советское время обстоятельства изменились. Посредники, в лице образованных «батюшек» почти полностью исчезли, а местные чиновники далеко не всегда понимали задачи и цели археографов. Следует сказать, что и население, в особенности верующие старообрядцы, с большим недоверием относились к представителям «властей», еще недавно жестко преследовавших религию и верующих. Мы были для этих людей первыми учеными, собиравшими книги «для науки», а не для последующего уничтожения в качестве «религиозного дурмана». К тому же, в 60-е годы на Север хлынул поток туристов, интересовавшихся деревянным зодчеством, а среди них было немало собирателей и перекупщиков икон, интересовавшихся также и древними книгами. Беседуя с крестьянами-старообрядцами, мы всячески подчеркивали, что не являемся представителями власти, а наша цель – поиск старинных «досельных» книг для их спасения, сохранения и использования в научных целях как источников для изучения жизни и культуры допетровской Руси. Эрудиция Александра Ильича и его глубокое знание крестьянского быта существенно облегчали наши беседы. К тому же завоевать доверие держателей книг нам помогала демонстрация умения читать и понимать старославянское письмо и средневековые тексты. Эти полезные навыки отличали нас от досужих «туристов», надоевших жителям деревень. К тому же весть о том, что в район приехала научная экспедиция для изучения и сбора древних книг часто опережала археографов, и мы находили сочувствовавших нашему делу, наивно надеявшихся, что учёные, с уважением относящиеся к книжным древностям, со временем помогут убедить «власти» восстановить поруганную «старую веру».

В 1965 г. экспедиция Библиотеки РАН впервые посетила старинный город Каргополь на реке Онеге, где более полувека назад успешно работал В.И. Срезневский. Осматривая коллекцию древних рукописей в Краеведческом музее и старопечатных книг в Районном архиве, от местных краеведов мы впервые узнали о существовании в окрестных деревнях незарегистрированной общины старообрядцев-скрытников. В экспедициях 1965–1968 гг., а также в последующие годы, сотрудники Библиотеки РАН, сумели обнаружить в Каргопольском и Плесецком районах Архангельской области несколько тайных скрытнических скитов, установить контакт с их насельниками и приобрести для Библиотеки хранившиеся у них книги и документы, характеризующие общественную жизнь и письменную культуру общины каргопольских скрытников начиная с конца XVIII века. Как выяснилось впоследствии, найденные и приобретенные документы явились

наиболее репрезентативным комплектом архивных источников для изучения деятельности скрытников в масштабах всей России.

Скрытники по своим убеждениям принадлежали к наиболее непримиримому течению среди старообрядцев. Скрытническая община, оформившаяся в последней четверти XVIII – начале XIX вв., отвергала не только господствующую православную церковь, но и государство, где по убеждению его последователей правил царь – «антихрист». Скрытники вели чрезвычайно замкнутый, «потаённый» образ жизни. Уходя из своих домов, они жили в «скитах» или в потаенных «кельях» по монашескому обряду, должны были «забыть» свою фамилию, не иметь никаких личных документов и отказываться от государственных пенсий. Скрытники «бегали» или скрывались от «властей», прятались в карстовых пещерах, многие из них отказывались брать в руки деньги с «печатью антихриста», а купленные для них «благодетелями» вещи или продукты подлежали специальному «освящению». Конечно, местное население их поддерживало, опекало, а более молодые насельники скитов посылно участвовали в сельскохозяйственных и строительных работах и культовых мероприятиях. При этом большинство скрытников не шло ни на какие контакты с «внешними» людьми, хотя одним из главных «благих дел» для них было «странноприимство», т.е. укрытие и пропитание всех странствующих или гонимых без различия их веры или возводимой на них государством «вины». Этими знаниями мы и старались пользоваться для установления с ними необходимых контактов, представляясь «странниками», с которыми можно и даже необходимо разговаривать «о божественном» и вечном. Особенно интересным и важным оказалось знакомство археографов с бывшим скрытником, а затем историком этой старообрядческой конфессии Максимом Залесским. Максим Иванович, живший на пенсии в деревне Чертовицы, в 10-20-х гг. являлся одним из руководителей Каргопольской общины скрытников, вёл протоколы скрытнических соборов, держал тайную книгопечатню гектографированных изданий, где печатались общинные документы. После ареста в 1930 г. он был выслан на Север, а возвратившись на родину, поселился рядом с сестрой – скрытницей и занялся историческими трудами, задавшись целью сохранить память о своей умирающей конфессии. М.И. Залесский показал нам семь своих авторских рукописей – фолиантов об истории странничества, автобиографию, исследование о скрытниках Каргопольского уезда, о скрытниках – иконописцах, составленные им протоколы страннических соборов и др. Он согласился всё это передать в БАН, сделав для себя копии, и попросил лишь оплатить труд по переписке своих трудов, что впоследствии и было осуществлено. В знак благодарности за то, что память о скрытниках сохранится для потомков, этот историк подарил Библиотеке безвыходное «дофёдоровское» Евангелие 1555 г. с вкладной записью боярина вологодского «владыки» Макария в Корнильев монастырь, датированную 1568–1569 гг., страннический «Цветник» и другие книги своей библиотеки. От М.И. Залесского мы получили также несколько адресов в окрестных деревнях, где, по его сведениям, жили скрытники. Так началось наше знакомство с местными скрытниками, община которых ещё продолжала существовать в окрестностях Каргополя.

В деревне Окуловская нам удалось обнаружить скрытницу – Марию Ивановну (Гринёву), живущую в потаенной «келье». Мария Ивановна хорошо нас приняла и после долгой беседы проводила в соседнюю деревню, в заколоченный родительский дом, где подарила нам несколько рукописей, среди которых два сборника с сочинениями протопопы Аввакума, дьякона Фёдора и других старообрядческих писателей. Среди подаренных рукописей нашлись две небольшие тетрадки, служившие повседневным руководством для

скрытников при встречах: «Объяснение, кто такие скрытники» и «О еже како на вопрошения отвещати пред властью».

«Объяснении кто такие скрытники», составленное уже, по-видимому, после Октябрьского переворота, предназначалось для «внешних» лиц, «властей» и должно было уверить последних в благонадёжности скрытников или «истинно православных христиан». Приводим его полностью.

«Объяснении кто такие скрытники»

«Мы истинно православные христиане для того собственно только уходимъ ис своихъ домовъ для своего душевнаго спасения, слѣдуя святому Евангелию, повѣлевающему самому Христу Спасителю оставить вся и во слѣд Его итти, и не имѣти своего дому здѣ на земли, как самъ Христосъ не имелъ своего дому, так апостоли не имели. Так апостоль пишет, что мы страннии пришельцы есмы, настоящаго града не имеемъ, но грядущаго взыскуем. Так по сему прежде пророки и святые бездомники были, тому мы слѣдуем примѣру, оставихом своя дома прежде бывшия и странствуемъ.

Да ещё и по сему вынуждаемы есмы странствовать и укрыватися – для сохранения веры, так как мы [не] признаём великороссийскую церковь и называемое священство их попов и всех архиереев от лет Никона патриарха с 1666 годов и донине съчитаем еретиками и отступниками от православия и многия новшества ереси [в]ведшими [в] церковь. И посему, как не принимая их новшества, уже с тех времён, мы претерпеваем гонение и угнёт от царьской власти за одно то, что мы их неправоту обличаем и не принимаем. И за то нас, сущих истинно православных христиан, царизм гонит и ссылает на поселения, в тюрьму сажает и не даёт нам полную свободу вероисповедания, и не дая нам называтся истинно православным христианином, а налагая разные наименования: расколника, отщепенца, сектанта и старообрятца, которых наименований мы по Закону Божию не принимаем. И за то едино и вынужденны укрываться от царской власти и признаём власть быть тиранскую и гонителем христиан и неправой, так как не даёт нам веру целу и непорочну сохранить и свободу полную исповедания не даёт и проч. И посему мы вынуждены для своего душевнаго спасения и для сохранения веры правой странствовать и уходить из своихъ дом, а не для чего иного. Но мы, грешнии самые люди последнии, никому никакого вреда и зла не причиняем, ни народу, и ни государству, но и не касаемся никаким мирским и гражданским делам не вмешиваемся, но пищу и одеяния мы приобретаем своими разными физическими трудами, не чюжима трудами кормимся и без дела никогда не живём и проч....».

Второй документ, написан аккуратным полууставом и снабжённый киноварными заголовками, был призван регламентировать ответы, которые странники должны давать «властям», будучи застигнуты от них врасплох. Вот этот документ:

«О еже како на вопрошения отвещати пред властью».

Я православная христианка, содержательница того благочестия, которое существовало в России от лет благовернаго князя Владимира до лет патриарха Никона, пребывающаго града жительства не имею, но грядущаго взыскую, страница

есмы на земли, жизнь имею по примеру Христа Спасителя земной жизни, странствую Бога ради, потому, что от лет 1666 года, по случаю всемирного отступления, воцарился последний антихрист и царствует уже во всем мире. Посему необходимо в настоящее время вынуждаемы законом бежать и оукрыватися от вездь действующаго антихриста.

На вопрос: Есть ли при вас письменный вид или паспорт? Ответ.

Письменаго виду или паспорта мы не имеем по примеру Господа и святыхъ отец, странствовавших по вселенной без писменных видов и паспортов жили и ходили во вся времена, их о сем никто не потязал. Да у православных христиан прежде и законов таковых не бывало, чтобы письменныи виды всякому человеку при себе иметь. Того ради и нам оный не нужен и мы его не имеем и по православному убеждению за вред душевный его считаем.

На вопрос: Вы откуда и где ваша родина? Ответ.

Мы по святыхъ отец православному учению считаем за вред душевный сказать и бывшую родину, потому что на лице земли в настоящее время спастись невозможно по случаю записей потому, что не исключая никого, записывают всех в раскольники и различные секты. А православному христианину так закон не дозволяет в таком случае, чтобы мне себя не соравнить со оными и свое православие не повредить. А ежели сказать бывшую родину, то хотя и нехотя пересылают етапом и водворяют на прежнее место жительства и непроминуемо с записанием раскольника или какой либо секты и проч. А записаться или указать бывшую родину потому именно вредно, что в настоящее время нет ни одного града, ни веси, православными жителями населенныхъ, а все повсюду отступники православия и еретики жительствоуют, а православным христианом нигде места и свободы не дают какое либо место занять и заселить [с] содержанием своего древняго благочестия, без записи. А ежели бы дали такую свободу где либо поселиться без повреждения древняго благочестия, не записали бы ни в раскольники, ни в иную какую либо секту, исключая только то одно, что православный христианин: тогда бы вполне было можно свободно и безповредно указать на такое место жительства и проч.»

В ходе экспедиции 1965–1968 г. А.И. Копаневу и участникам организованных им экспедиций в Карельское Поморье, а также в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области, удалось получить 348 рукописных книг XV–XIX вв. и свыше 150 старопечатных книг XVI–XIX вв. Древнейшие из найденных книг датируется концом XV века. Это рукописный Октоих на 335 лл. (Каргоп. 1) имеет в конце текста запись писца: «Рад заец убог ис тенет, а писец – последний строки. Аще буду где описался и вы, господине, чтите, а не клените – Христа ради деля – а сами себе исправьте, а меня поминайте, аминь». В записи не назвавшийся писец сообщает, что переписывал богослужебную певческую книгу не на заказ, а как монашеский урок – «Христа ради» – и просит читателей не судить его строго за возможные грамматические ошибки. В 1580-м году книга была продана попу Мануилу Мегорцу, а 8 октября 1637 г. она стала коллективным вкладом крестьян д. Шалга Большая в церковь «Великомученицы Парасковьи на Поржалу», о чём сделал вкладную запись «по их мирскому велению» церковный дьячок Оксенко. Рукописная Псалтырь рубежа XV–XVI вв. (Каргоп. 2)

написана аккуратным полууставом на 108 лл.; она была найдена сильно растрёпанной из-за постоянного употребления и лишённой переплёта. По листам Учительного евангелия XVI в., написанного небрежным полууставом в лист на 480 листах, (Каргоп. 6), мы читаем запродажную запись писца с выскобленным именем: «... продал сию книгу Евангелие толковое... своего варавления, и деньги за нея взял все сполна два рубли двадцать алтын с гривною, а подписал... своею рукою». По словарю В.И. Даля: «варакать» – небрежно писать. Возможно, книга писалась местным крестьянским грамотеем специально на продажу, а её неискусный почерк объясняет сравнительно низкую цену, за которую она была продана. Запись драгоценная, так как благодаря ей мы можем судить об оплате писца XVI века, так как указана цена книги, известны её объем и качество письма. Из рукописей XVII в. литературного содержания интересен Житийный сборник, написанный на 404 листах (Каргоп. 9). Этот сборник имеет полистную запись XVII в.: «Сия книга глаголемая Сборник, куплена на Москве на архиерейском дворе, а цены дано два рубли». Среди привезённых рукописей, есть и светские, полученные в городе Каргополе. Среди них два списка известного «Сказания о Мамаевом побоище». Первый из них, на 37 лл., можно датировать серединой XVIII в. (Каргоп. 17), а второй, на 48 лл., имеет запись о написании книги в 1782 г. (Каргоп. 18). «Повесть о зачатии и рождении Петра Великого», Антонио Катифоро, на 77 лл. была «списана» в Санкт-Петербурге в 1743 году (Каргоп. 19).

Среди многочисленных старообрядческих рукописей, приобретенных экспедициями, имеется знаменитая «Соловецкая челобитная» 1668 г., адресованная царю Алексею Михайловичу в защиту «старой веры» в списке первой четверти XVIII в., в кожаном переплете «сумкой» (Каргоп. 15). Такие списки сочинения распространяли по Русскому северу уцелевшие соловецкие монахи, после взятия царскими войсками мятежного Соловецкого монастыря. Из других старообрядческих сочинений назовём: «Виноград российский», Семена Денисова в списке начала XIX в. на 293 лл. (Каргоп. 34). Это составленный в Выговском старообрядческом монастыре мартиролог с жизнеописаниями российских старообрядцев, пострадавших за веру при патриархе Никоне и его преемниках. Удалось найти и ранее неизвестные тексты сочинений дьякона Игнатия Соловецкого, в том числе его ранее неизвестную Челобитную к царю Фёдору Алексеевичу, написанную в 1676 году, в которой проповедуется необходимость самоожжений в борьбе за сохранение «истинной» веры.

Во время кратковременной поездке в Кировскую область летом 1968 г., А.И. Копаневу удалось посетить старообрядческую общину в селе Старая Тушка, откуда он привез в БАН первые четыре древних рукописи. В последующие 1969 и 1970 гг. состоялись экспедиции Библиотеки АН в эту область с участием Н.Ю. Бубнова и И.Ф. Мартынова. В экспедиции 1970 г., спланированной Александром Ильичем, он уже не смог участвовать лично. Так состоялось, отмеченное в трудах уральских историков, «археографическое открытие Вятки», положившие начало изучению древней письменной культуры края и формированию в Рукописном отделе БАН Вятского собрания рукописей, насчитывающего ныне более 1000 рукописных книг.

В двух первых экспедициях в этот край были найдены и приобретены 151 рукопись XV–XX вв. и 38 старопечатных книг XVI–XVIII вв. Древнейшая из найденных здесь рукописей – Канонник 2-й половины XV в. на 280 лл. (Вятск. 47), Служебная минея конца XV – начала XVI вв. на 223 л. (Вятск. 56), Сборник житий первой четверти XVII в. на 428 л, содержащий Житие Сергия Радонежского, Сказание о иконе Владимирской

Божьей матери, Повесть о царевиче Дмитрие Угличском (Вятск. 51), Сборник житий начала XIX в. на 104 лл., включающий Житие и службы Трифону Вятскому и Прокопию Юродивому (Вятск. 15), старообрядческий «Цветник» 1-й половины XVIII в. на 400 лл., переписанный в Выговском монастыре знаменитым поморским наставником Мануилом Петровым (Вятск. 12). Среди найденных рукописей много певческих сборников на крюковых нотах, по которым старообрядцы исполняли праздничные песнопения и пели духовные стихи. В последующие поездки на Южную Вятку многие тексты, напетые по крюковым нотам в разных старообрядческих общинах, удалось записать на магнитофон.

В обширном Вятском крае и по сей день проживают старообрядцы нескольких толков: поморцы, федосеевцы, последователи Белокриницкой церковной иерархии, единоверцы. Есть и отшельники, живущие обособленно и имеющие свое особое церковное мировоззрение. Здесь по местам до наших дней сохранился навык книгописания – переписки книг и книжных «тетрадей», писание писем по старинным образцам, по дореформенным грамматическим правилам, древним полууставным почерком. Соответственно книги и рукописи, полученные здесь археографами, довольно разнообразны и требуют углубленного изучения.

Печатные книги, найденные в Вятском крае также интересны. Среди найденных книг: Острожская библия Ивана Федорова 1582 г. издания, Октоих, изданный в Москве в 1594 г. его учеником Андроником Тимофеем Невежей, Кормчая (М., 1653). Интересна Библия, изданная в Московской старообрядческой книгопечатне в 1914 г. Эта книга перепечатана с Острожской библии 1581 г. и украшена гравюрами из Лицевого летописного свода XVI в. В первую экспедиционную поездку на Вятку, в селе Старая Тушка удалось обнаружить следы действовавшей здесь в конце XIX – первой четверти XX вв. тайной старообрядческой книгопечатни. Ее основатель – книжник и иконописец Лука Арефьевич Гребнев до 1905 г. издал десятки книг для старообрядцев, на которых, в целях конспирации, выставлял ложные выходные данные (Клинцы, Почаев). Начиная с 1905 г. его книги стали издаваться в «богоспасаемом граде Тушке». Небольшую, и далеко не полную, коллекцию книг этой подпольной старообрядческой типографии, хранившихся у разных владельцев, удалось собрать и привезти в Петербург.

Участвуя в археографических экспедициях Библиотеки РАН, А.И. Копанев продолжал исследовать свою главную научную тему – историю крестьян Русского Севера в средние века, но уже с позиции их весомого вклада в культурное наследие нашего отечества. Этой теме посвящены многие его статьи и разделы в монографических исследованиях. Собранные в археографических экспедициях на Севере рукописи и книги – важная часть неопределенного культурного наследия России, исследование которого еще только начато и непременно будет продолжено как важное научное направление.

В 1970 г., вернувшись на службу в Ленинградское отделение Института истории РАН, Александр Ильич Копанев продолжил исследования по истории крестьянского мира Русского Севера XVI–XVII вв., написал две монографии и защитил докторскую диссертацию по этой теме. Не прерывая контакта с археографами БАН, он продолжал поддержку экспедиционных исследований в нашей стране в качестве председателя Ленинградского отделения Археографической комиссии Академии наук.